

ХЛОПУШКА

Санкт-Петербург начала прошлого века. В темном иллюзионе, где под музыку тапера (Левон Оганезов) крутится кинолента "Утомленные страстью", на последнем ряду приоткрылась парочка — Вахлаков (Николай Фоменко) и Аглая (Евгения Крюкова). На черно-белом экране пышнотелая актриса задыхается от ласк щеголеватого денди. Аглая, возбужденная, не сводит глаз с экрана. Вахлаков, пользуясь темнотой и чувственностью дамочки, дает волю своим рукам.

— Я вас обожаю. Умоляю, сколько можно то-мить...

- Кажется, я полюбил.
- Время уходит. Поехали ко мне на квартиру.
- Я боюсь. Я замужем.

Это вам не избитая история про банальный любовный треугольник. Берите круче — пятиугольник, а может, даже и шестиугольник. Настоящая комедия положений. В общем, так: преуспевающий адвокат Андре Вахлаков, изменяя своей жене Софье (Наталья Шуккина), всю ухлестывает за красивой сексапильной Аглаей. Даже снимает для свиданий часть дома у ее же мужа, добродушного отставного морского офицера (Владимир Симонов). Об интрижке узнает влюбленный, пока еще безнадежно, в Аглаю ученый-орнитолог Марусин (Сергей Безруков). Подкараулив парочку в спальне, он поднимает на уши всю местную полицию, ломает дверь и заста-ет там предмет своих вожделений в компании с... вечно пьяным писателем-декадентом Иванищиком (Сергей Маковецкий). Вот такой сюжетец. Развязка еще похлеще будет.

— Так, сцена с тапером, — Эльдар Александрович подходит к Оганезову. — Левушка, у тебя сигара горит или не горит? Кури, выпивай, безобразничай, чтоб это видно было. В зал посмотри — может, тебе там какая баба понравилась. Импровизируй". Оганезов послушно кивает, садится за рояль. Рука пробегает по клавиатуре, звучит ненавязчивый мотивчик. Другой рукой маэстро тянется за рюмкой водки. Справа над роялем нависает продюсер картины, жестами показывая, что надо курить. Воздух наполняется клубами дыма. Музыка, согласно экранным страстям, звучит все громче. Оганезов подпрыгивает на стуле. Финальный проигрыш. Все. Снято! "Браво, Лева!" — раздаются чуть хрипловатый возглас второго режиссера Ларисы Чайковской. Звучат аплодисменты. Улучив минутку, пока камера меняет место для следующего эпизода, пробираюсь к герою.

— Левон Саркисович, вы как будто всю жизнь в кино снимались.

— Конечно, кино резко отличается от теле-съемки, где от тебя не требуется большой фантазии. Эльдар Александрович вообще не поставил никакой задачи. Я лишь в последний момент успел спросить: "Мне как — изображать характер или просто музицировать фоном?" — "Как хочешь, — говорит, — лучше, конечно, характер".

— Но признайтесь, все же немного нервничали?

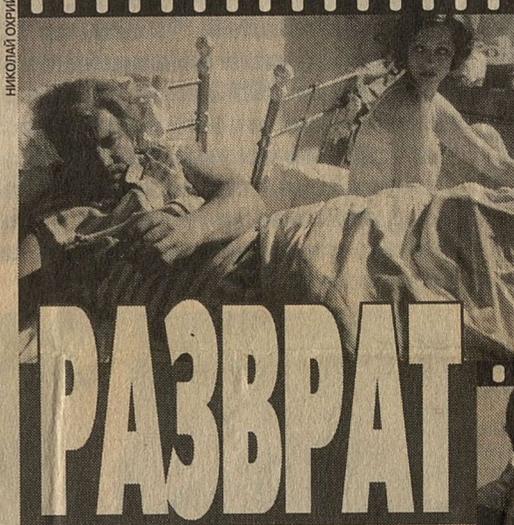
— Нет. Просто когда кричат "стоп!" — это то же самое, что перебивать человека, который рассказывает анекдот. Но, мне кажется, я люблю эту профессию.

— Я слышал, вас пригласили в последний момент.

— Я узнал о съемках только два дня назад. Как раз сегодня у меня жена приезжает, должен был ее встретить. Она не поймет, конечно.

Камера поменяла место, свет переставлен, пора за дело. "Женя Крюкова пришла, нет еще? Ребята, Коля! Следующая сцена". Появляются главные герои. Фоменко в светлом гладко причесанном парике, с усиками. Белая сорочка, щегольской комбинированный сюртук, брюки заправлены в высокие бахилы — типичный старый новый русский. Крюкова в бело-зеленом туалете, на голове легкая элегантная шляпка с перьями. "Я считаю, что она должна снять с себя это платье, — шутиливо басит Фоменко. — Мы целуемся, что ли? Я должен это обдумать..." "Я тоже", — не остается в долгу актриса. Готовится

Две эпохи встретились в этот день у 8-го павильона "Мосфильма". Около двери копошились строители в пыльных спецовках, а рядом, на лавочке восседали экзальтированные барышни в кружевных платьях, окруженные элегантными кавалерами в наглухо застегнутых сюртуках. Вход в святая святых ни с чем перепутать невозможно. Двигаясь наугад в лабиринтах декораций, поднимаемся по деревянной лесенке, и... да, это здесь. Большая зала, темно-бордовые велюровые гардины с рюшами, резные золоченые столики, а посреди стены — большой белый экран. Тут не только снимают кино, тут его и показывают. Сегодня — сцена в синемафотографе. Новый фильм от Эльдара Рязанова — всегда событие. Название предельно интригующее: "Ключ от спальни". "Будьте все внимательны, ребята, — слышится из соседней комнаты голос Рязанова. — Аппаратная, Мотор. Камера. Проекция. Начали, Лева".

НИКОЛАЙ ФОМЕНКО

уголок в зрительном зале для свидания Вахлакова и Аглаи. На столе ведерко со льдом, бутылка шампанского, бокалы с красным вином, пирожные. Позади — зеркало, отражающее любовные перипетии черно-белого экрана. "Я замужем, я замужем, я замужем", — Крюкова шепчет, поправляя прическу. Фоменко со злодейской физиономией растопыривает пальцы, нацеливаясь на грудь партнерши. Та игриво бьет его по рукам. "Все. Мы готовы".

"Аппаратная. Мотор. Камера", — доносится снова. Фоменко наклоняется к героине, шепчет что-то, проводит губами по щеке... "Стоп!" — какие-то проблемы, отменяют дубль. Все заново. Фоменко кривит нос на отвлекающий Крюкову экран, сжимает ее ладошку, щекочет усами ушко. И наконец долгий затылочный поцелуй. Щелчок хлопущки. "Куда так рано-то!" — Николай изображает недовольство. И снова шептание, лобзания, томление, ахи, вздохи... Перерыв. Обед.

Крюкова выходит с площадки, звонит по мобильному: "Я здесь допоздна..." Ловим ее в актерской.

— Женя, вам Аглаю по-женски не жалко?

— Оценить жалко. Она очень трогательный человек, с чистыми открытыми эмоциями, с тонкой душой. Просто поддающаяся влечению чувств — в некотором роде жертва обстоятельств.

— А она хоть кого-то любит?

— Ну, у нее, так скажем, меняются объекты внимания. Она очень чувственная особа. Как ребенок, может за пять минут изменить свое мнение как в одну, так и в другую сторону. Но все равно это некоторая ирония над персонажем.

— А вы сами за время сегодняшней съемки уже успели влюбиться в Николая Фоменко?

— Она, Аглая, наверно, успела бы. А то, что мое личное — то мое личное. Это я обсуждать не готова. Даже в шутку.

Обед на съемках — самое суетливое время. Кто не успел, тот и не съел. День впереди долгий, и всем надо подкрепиться. Киношная братия собираются внизу, чтобы восстановить свои творческие силы какой-нибудь котлеткой или супчиком. Пожелав Рязанову приятного аппетита, терпеливо дожидаемся мэтра, чтобы задать ему несколько вопросов. Ну вот наконец чай допит, и Эльдар Александрович, сытый и довольный, готов к беседе.

— Если спросите, о чем картина, — я не знаю. Я считаю, что это пустячок, безделица. Но думаю, что фильм может получиться смешным и доставит зри-

ТИО-РЯЗАНОВСКИ

НИКОЛАЙ ФОМЕНКО

Безруков, Фоменко и Маковецкий в одной постели

телям удовольствие. Здесь важно, как сделано, какие трюки, степень хулиганства и озорства. А в этом плане все просто замечательно. Импровизируют все: Фоменко, Маковецкий, Безруков, а особенно Женя Крюкова. Замечательная, талантливая актриса — просто подарок судьбы. Я думаю, у нее огромное будущее.

— Сценарий так лихо закручен, к тому же на съемочной площадке царит импровизация... Не может случиться так, что и финал изменится?

— Не думаю. Основной сюжетный ход — по-тивам водевилей известного французского драматурга Жоржа Фейдо. Остальное — мое сочинение, порожденное разными литературными ассоциациями. Перепахал все, восемь или девять вариантов подготовил. Что-то дописывал, досочинял реплики и сюжетные ходы, меняя профессию героям. Так что на мне вся ответственность.

— Чем вас привлекла вековая древность? Неужели в сегодняшней жизни не нашли подходящую историю?

— Ну, Серебряный век — это же занятные костюмы, изысканные манеры, декорации и, конечно, поэзия. У нас будет звучать Блок, Северянин, Ахматова — и романсы, и просто стихи. Все, что придает дополнительные "шарманты", я бы так сказал.

— Эльдар Александрович, близок ваш юбилей. Надеемся, на покой еще не собираетесь?

— Ой, я каждую картину снимаю и говорю себе: все, хватит. Но проходит год-два, и... Кино хуже, чем наркотик. И я рад, что накануне своего почтенного юбилея я снимаю такую лаконичную, озорную и несерьезную вещь.

Дмитрий МЕЛЬМАН.

Варвара Давыдова

24.06.02